

Это замечание Ивана Бегичева интересно для нас упоминанием повести о куре и лисице, списки которой встречаются не ранее начала XVIII в. Говоря о ней, как о чем-то общеизвестном, Бегичев тем самым дает опорный пункт для датировки этого памятника: по всем историческим данным, которые встречаются в Послании, его относят ко времени не позже 1643 г.; отсюда следует, что и повесть о куре и лисице во всяком случае не моложе этого времени, скорее ее придется отнести к несколько более раннему периоду, чтобы стала понятной ссылка на нее, как на образец, хорошо знакомый читателям.¹

Исходя из этого хронологического указания Бегичева, проверим, соответствует ли тематика повести о куре и лисице исторической обстановке первой половины XVII в. Естественно, что анализу этой темы должна предшествовать история текста повести, так как литературный памятник, существующий в рукописях XVIII в., печатных изданиях, лубочных картинках и устных сказках под именем повести, сказания или истории о куре и лисице, дает нам очень сложную картину своей жизни в читательской среде. Он постоянно развивался, вскрывая нам в течение трех веков своего существования картину последовательных изменений в классово-эстетическом сознании читателей, отлагавшемся в словесном творчестве, и далеко не все его разновидности могут быть отождествлены с предполагаемым памятником первой половины XVII в.²

Все рукописные тексты повести о куре и лисице разбиваются отчетливо на три группы — тексты прозаические, стихотворные и смешанные. Все списки относятся к XVIII в., один отрывок к началу XIX в. В прозаической редакции мы имеем вполне цельное и законченное изложение темы:

1644 г. он жил уже не в Москве (Яцимирский, стр. III—IV). Теми же сороковыми годами датирует Послание И. Забелин, который считает адресатом Бегичева стольника С. Л. Стрешнева (Заметка о послании И. Бегичева. Археол. изв. и зам. 1899, № 1—2, стр. 1—8; то же: История города Москвы, М., 1902, стр. 395—397).

¹ Указание Послания Бегичева на хорошее знакомство русских читателей в первой половине XVII в. с повестью о Бове совпадает с наблюдением Н. П. Лихачева: прозвища Бова, Лукопер, заимствованные из повести о Бове, были известны на Руси в конце XVI и начале XVII вв. (Любопытные прозвища. Библиограф, 1893, № 2—3, стр. 157—159).

² Литературные повести о куре и лисице не исследованы: беглые замечания об этом памятнике находим у А. Веселовского (Ист. русск. словесности А. Галахова, изд. 2, 1880, стр. 510), определенно называющего повесть «отрывком германо-романского животного эпоса, приходившего к нам», и у А. Пыпина (Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, стр. 292), который характеризует стихотворную повесть о куре и лисице, вместе с помещенными в том же сборнике увеселительными жартами, как «последнейшие обработки старинных новелл, перешедших в польскую литературу из немецкого или французского источника», и отмечает перепечатку некоторых из них в «Старичке-Весельчаке» и в лубочных картинках.